

Арпентьева М.Р.,
доктор психологических наук, доцент, профессор,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга
e-mail: mariam_rav@mail.ru

МЕДИАТИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена проблемам взаимодействия правового и нравственного освоения медиатехнологий как сферы развития человека. Рассматриваются проблемы интернет-зависимости и интернет-преступности, роль нравственных и правовых деформаций в их возникновении. Отмечаются основные направления коррекции нарушений на индивидуальном и социальном уровнях.

Ключевые слова: правовое пространство, нравственное пространство, медиатехнологии, коррекция, деформации.

Современное общество столкнулось с проблемой нравственного и правового освоения интенсивно развивающихся цифровых и иных технологий: биоэтика и техноэтика становятся одними из ведущих отраслей научно-практических исследований [1; 3; 4; 5; 8; 9; 10; 11; 12; 17; 18; 19; 20; 21; 66; 67; 68]. Современный этап развития информационных технологий характеризуется активностью информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание, вплоть до открытых и скрытых информационных войн, вместо свободы информатизации и информации, свободы знать или не знать что-либо, возникают проблема информационной безопасности, свободы от дезинформации и проблема «демократии шума» [22; 23; 24; 25; 27; 28], проблемы взаимодействия и взаимного наложения и разрушения правового и нравственного пространств [2, с. 66-71]. Этот процесс происходит на фоне тотального развала правовой системы цивилизованных стран, продемонстрировавших суть права как системы узаконенного произвола, не имеющего ничего общего с нравственными законами, но стремящиеся их разрушить, создав «монопольное» управление обществом. Информационные технологии - важный фактор формирования и развития общества XXI века или, как отмечают многие исследователи, его деградации и коллапса. На наш взгляд, сами по себе технологии не создают и не разрушают общество, но отражают те процессы, которые протекают в нем при разрушении или восстановлении правового и нравственного пространств. Воздействие цифровых технологий революционно и затрагивает образа и качества жизни людей, их образования и работы, семейных отношений, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Информационно-коммуникационные технологии стали одним из стимулов развития глобализации как становления и развития мирового сообщества, и, параллельно, социальной аномии и разрушения традиционных культур и их нравственных ценностей. Вестернизация предложила всему миру заменить нравственное производом правового, расширить правовое пространство США на весь мир. Этот процесс активно протекал и протекает во всех странах, лишенных нравственных принципов и национальной идеологии, подобно тому, как была долгое время ли-

шена национальной идеологии и Россия [48]. Информатизация поэтому в России и иных странах сопровождается ростом цифровой (информационной) преступности и общим ростом «демократии шума»: чтобы заставить людей забыть о нравственном, уничтожить нравственное пространство, а также максимально размыть пространство правовое, превратив правовые институты в институты легитимного подавления населения, доведения населения до состояния полного невежества и десакрализации.

Таким образом, современный этап развития информационных технологий характеризуется активностью информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание, производство и профессиональную жизнь человека, а также его личную и семейную жизнь и отношения с миром, вплоть до открытых и скрытых информационных войн, трансформаций языкового общения и отношений людей, ограничением свободы информатизации и информации, свободы знать или не знать что-либо, наряду с демократией шума» и псевдознаний, возникает проблема информационной безопасности, дезинформации и лжи. Воздействие цифровых технологий затрагивает образ и качество жизни и отношений к себе и миру, трансформирует образование и профессиональный труд, изменяет семейные отношения, а также практики жизнедеятельности государства и общества [26; 29; 30; 32; 35; 36; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44]. Информатизация содействует и росту групповой идентичности и осознанию различий, она может использоваться и используется для нагнетания напряженности в мире, а также сопровождается ростом цифровой (информационной) преступности и общим ростом «демократии шума», при котором человек вынужден перерабатывать информацию, способами и во время, навязываемое СМИ, которая ему не нужна в ущерб работы с той, которая нужна – именно ему, тогда и так, как нужно именно ему. Однако, до сих пор общество рассматривает проблемы кибербезопасности, проблемы информационных технологий в производстве и проблемы медиаобразования отдельно, что тормозит исследование и практическое решение многих важных вопросов. Проблема исследований цифровой безопасности включает два основных направления: проблема жертв Интернет и проблема преступлений в Интернет. Проблема жертв Интернет тесно связана с проблемой интернет-зависимости и личностным контекстом жизнедеятельности, она играет большую роль в образовании и профессиональной деятельности индивидов, включая менеджеров и управленцев производственными и иными организациями. Проблема кибер-терроризма – это, в большинстве случаев, проблема организационного уровня, проблема управления политикой и экономикой страны, а также вопрос формирования деструктивных, опасных для себя и окружающих личностей, групп и организаций, деструктивности самого государства и общества как таковых.

Деструктивно направленная, опасная для себя и окружающих личность формируется в специфических условиях, приводящих к «личностным удвоениям» и иным «расщеплениям». К сожалению, коллизии данного уровня описаны и исцеляются длительно и скорее в практике духовно-религиозной, чем психологической, медицинской или социальной помощи, поскольку напрямую связаны с социальным заказом и нормативами сообществ. В них деформации личности, в том числе учебной, профессиональной, семейной и общей жизнедеятельности, типичны и нормальны: полагается естественным скорее не понимать себя и мир, чем понимать, скорее не уважать себя и мир, чем уважать, скорее отчуждаться, чем

любить, скорее не быть человеком, чем быть. В практике духовной поддержки и наставничества они описаны, например, как одержимость, которая преодолевается через механизмы служения, епитимьи и покаяния. В классической психиатрии, медицине и психологии эти состояния описаны и изучены гораздо меньше психических нарушений: психопатии и социопатии лиц, не считающихся ни с кем, испытывающих желание и удовольствие унижать, причинять боль или даже убивать и насилловать, преследовать и травить окружающих, либо терпят как вариант нормы, либо подлежат санкционированному «уничтожению»: работа с «должностными», уголовными и иными преступниками по сути, не предполагается. Внутренняя суть нарушения - отказ быть человеком, - приводящая к тому что человек становится опасным для себя и окружающих, - остается вне внимания специалистов. Вместе с тем, оно начинается как удовольствие власти и стремление уничтожать себе подобных в конкурентной борьбе за выживание и размножение, перерастает в отказ признавать их людьми, и, завершающая стадия нарушения, - отказ считать человеком самого себя. Данное нарушение, которое можно назвать «протравматическое стрессовое расстройство», сходно с симптомами самоповреждающего и самозатрудняющего поведения, но лишено переживания ответственности и причастности к преступлениям – начиная с преступления против нравственности и заканчивая преступлений против законов. Оно является формой компенсации состояний беспомощности и бессилия, переживаемых человеком на протяжении всей его жизни. Не умея уйти от насилия, человек создает его бесконечные «круги» и «спираль». Спираль насилия, раскручиваясь, вовлекает в себя все новых участников, в том числе тех, кто выполняют функции «финальной ситуации» для того, кто ее активировал.

Рассмотрим его на примере внешне безобидного школярства. Школярство – один из забытых и малоизученных терминов, означающих пренебрежение учащихся и обучающихся своими учебными обязанностями и стремление уклониться от их выполнения путем симуляции (имитаций учебной деятельности и/или состояний и свойств, препятствующих ее исполнению), обмана (педагогов и родителей), прокрастинации («откладывания на потом») и прямого игнорирования (сознательного или бессознательного уклонения от учебной деятельности и общения по поводу учебной деятельности). Первоначально слово «школяр» (от польского «szkolarz») означал школьник, ученик, затем - общую незрелость и наивность ребенка, однако, позднее, школярство переросло в систему мер, препятствующих взрослению, своеобразную «антиучебную» деятельность. Таким образом, школярство можно определить как деятельность или совокупность действий, направленную на создание препятствий другой деятельности. Как писал Ж. Бодрийяр, многие феномены социального взаимодействия эпохи постмодерна связаны отказом от деятельности как своеобразной деятельностью: «усталостью». При этом «...эта усталость ... имеет ту же функцию разоблачения, что насилие и ненасилие... Усталость гражданина постиндустриального общества недалеко от скрытой забастовки, ...от «slowing down» («снижения активности») рабочих ...или от школьной «скуки» ...» [7, с.230]. Таким образом, «усталость не является пассивностью, противостоящей внешней социальной сверхактивности, - она, напротив, единственная форма активности, противостоящая ... принуждению к общей пассивности, присущему современным общественным отношениям», «это актив-

ность, скрытое, хроническое восстание, само по себе бессознательное» [7, с.231]. При этом «ее функция: «slowing down» во всех его формах является (как невроз) единственным выходом, чтобы избежать тотального и настоящего «break down» (разрушения)» [7, с.232]. При этом ощущение себя неудачником, «двоешником» или «троешником» отражает логику депрессивности, которая «повторяет саму логику потребления (где потребности и удовлетворения, не будучи связаны с объективной функцией предметов, сменяют друг друга, отсылают друг к другу, заменяют друг друга в функции фундаментального неудовлетворения)» [7, с.233]. Внешне парадоксально, но «депрессия расцветает там, где прекращаются принуждения к труду и где начинается (должно бы начаться) время удовлетворения» [7, с.233]. Школярство и иные формы избегания реальной деятельности особенно обозначает свою суть во «время досуга»: оно показывает как развивается на фоне потребляемой «свободы» и «досуга» спрос на настоящий труд: «... в этом неэкономическом спросе на труд выражается вся агрессивность, неудовлетворенная в потреблении и досуге» [7, с.234].

Современное школярство получило серьезную поддержку в процессе медиатизации образования и жизнедеятельности. Школяр как субъект образовательного процесса продуцирует его симулякры в надежде сделать свое пребывание в учебном заведении (школе, вузе и т.д.) как можно менее обременительным. Как известно, учебная деятельность, обучение или учение, - такой же труд, как и остальные. И, как любой иной продуктивный труд, он предполагает наличие усилий. Как писал в свое время У. Глассер в терапии реальностью «быть неудачником просто» [16]. Учиться и обучаться по-настоящему, не симулируя процесс обучения, сложнее. Особенно это заметно в самостоятельной работе школьников и студентов. Современная медиатизация жизни и учебной деятельности, как кажется, положила конец попыткам преподавателей побудить учащихся и обучающихся к самостоятельной работе, а также работе на занятиях: школярствующие «скачивают» отчетные самостоятельные работы из Интернет, а на занятиях стремятся удовольствоваться буквальным воспроизведением учебников или тех же «скачанных» работ. «Борьба» против современных школяров и их привычек, как правило, ведется «теми же методами»: параллельно с внедрением «интерактивных технологий» повсеместно внедряется «проверка на антиплагиат», наряду с «унифицированными» процедурами сдачи зачетов и экзаменов создаются «индивидуальные системы заданий». Однако, государство и общество не справляются со школярством: оно приобрело настолько угрожающий размах, что государство решилось на крайнюю меру - привлечение к учебному процессу правоохранительных структур. Ребенок, подросток и юноша, сталкивающийся с открытым противостоянием окружающих ими же стимулируемых попыток ученика «увильнуть» от учебного труда, испытывает вполне понятное недоумение и разочарование: то, что обещают ему педагоги и «страна», и то что он получает «на самом деле» кардинально различно. Однако, с точки зрения исследователя, вполне очевидно, что речь идет о вполне естественном противостоянии «вневременных» и «внепространственных» тенденций унификации и включения – индивидуализации и обособления, контроля и бесконтрольности, развития и стагнации. Интенсивность и качество такого противостояния, вместе с тем, варьирует в разных общностях («пространствах») и в разные периоды «времена»). Как правило противостояние обостряется в ситуации нравственных и социальных кризисов. В со-

временной России, в эпоху медиатизации оба типа кризисов не просто «в наличии», но и проходят период обострения, сменяя друг друга и переходя от «плохого к худшему»: население с каждым годом растрчивает остатки воспитанных советским обществом нравственных ценностей, заменяемых ценностями потребления и «демократической» вседозволенности, государство все интенсивнее вторгается в жизнь граждан, поскольку поддерживаемые им ценности «свободы» и «гласности» - не более чем удобная симуляция, призванная скрыть истинные ценности и цели «тотального контроля» и государства – тюрьмы. Тюрьме же, как известно, образованные и свободные люди не нужны: попадая в нее они либо умирают, создавая проблемы утилизации, по достоинству оцененные практиками фашистских концлагерей, либо «взрывают» систему изнутри.

Современная эпоха часто называется магической: это эпоха «минималистской морали, свободной от каких-либо предписаний» постмодернистской неопределенности как множественности истины, алеаторного распространения ценностей [13; 14; 15; 66]. Экзистенциальный вакуум размывает границы не только культур, но и личности, превращая большинство представителей культуры, воспитывающихся в условиях дигитализации нравственности и социальной аномии в маргиналов – субъектов, не имеющих определенного понимания себя и мира. Он разрушает и само понимание себя и мира. Описывая современные поколения обучающихся и учащихся как поколения «эхо-бумеров», «цифровых аборигенов» или «Питеров Пэнов», исследователи подчеркивают их личностную и социальную незрелость: почти полное отсутствие нравственного воспитания и содержательно обедненное обучение (организованное по требованиям «Болонской системы» «ФГОС» и прочим деструктивным имитациям инноваций), приводят к вполне естественной задержке развития наряду с явлениями раннего когнитивного и нравственного «старения»: не случайна популярность понятия «дигитальное слабоумие». Термин «digital dementia» пришел из Южной Кореи, еще в начале нынешнего века специалисты стали отмечать, что все больше подростков, представителей «цифровых аборигенов», страдают когнитивными нарушениями, в том числе потерей памяти и расстройствами внимания, а также подавленностью и депрессией, низким уровнем самоуправления: в мозгу пациентов наблюдаются изменения, схожие с теми, что появляются после черепно-мозговой травмы или на ранней стадии слабоумия, которое у поколения «цифровых туристов» и более ранних поколений развивалось только в старческом возрасте [37; 50; 60; 61; 62; 53; 64; 65].

Характеризуя специфику взаимоотношений в «пространстве симуляции», Ж.Бодрийяр [6, с.282] говорит о них как о симуляции: ни собеседников, ни смысла сообщений уже не существует. Симулякр – это имитация несуществующего. Заложное в симулякрах современной, дигитально-магической, постмодернисткой или «киберэпохи» отчуждение человека не только от других людей, от себя, но и самой идеи человеческого, превращает человека в такой же маргинальный объект, как и остальные. Этот объект, вместе с устаревшим для кукловода смыслом может быть уничтожен любым - актуальным в рамках следующего нравственного симулякра способом. Примерами наиболее актуальных для современного момента развития цивилизации являются симулякры правозащиты и правоохраны, симулякры превосходства и бессмертия, симулякры творчества и свободы, а также си-

мулякры любви и эмпатии. Первые обращают внимание на необходимость тотального контроля реальности, особенно той, что противостоит симулякрам и может ее разрушить. Вторые - на необходимость уничтожения «слабых звеньев», «отбросов общества», которые «ни на что негодны». Третьи – важность самопроявления и успеха, важность достигать невиданных результатов (при этом, не обращая внимания на какие-либо мнения). Четвертые - социального признания и социальной поддержки.

Взаимодействие с другими дает молодому человеку возможность непосредственно обнаружить и пережить – встретить свою действительную «самость», человеческую индивидуальность и универсальные, общечеловеческие истины жизни. Реальная, а не виртуальная жизнь учит человека куда и как ему двигаться, что принимать, а что давать, у кого и кому, когда и зачем. Совершая дела любви, в том числе в практиках волонтерского служения, отдавая и принимая заботу от других людей (в семье, школе и вне них), учась балансировать вклады в отношения и жизнедеятельность, человек учится понимать самого себя и мир [36]. Школяр всегда может стать учеником: если позволит себе жить настоящим, реальным.

Однако, может и пойти дальше, к иллюзорным желаниям и преступлениям. Эксплуатирующая желания человека «интернет-машина удовольствий» очень быстро стала и машиной преступлений: преступление есть закономерный результат бесконтрольной трансгрессии личности и группы. Трансгрессия эта провоцируется экзистенциальной опустошенностью и усталостью, переживанием невосребованности и ненужности, а также отсутствия возможности влить на собственную жизнь. Трансгрессия как выход за пределы жизненного мира, его ценностей и норм, есть разрушение мира, причем, поскольку интернет задействует огромный спектр желаний человека, постольку трансгрессия, связанная с ним, носит характер тотальной. Экономически эффективной она оказывается только в краткий промежуток времени, далее идут многочисленные прямые и косвенные потери деформаций учебной, производственной деятельности, психосоматического и нравственного здоровья населения региона. Трансгрессия может стать продуктивной, превратиться в трансценденцию, если опирается на ценности, культуру, включая запреты и ограничения желаний, ориентацию на нужное, глубинно «потребностное», человеческое, а не только «сформированное» маркетинговыми акциями и экономической пропагандой. Если то, что заложено в планы «экономического развития» соотносено с развитием культуры и нравственно-идеологическим здоровьем населения. К сожалению, ни проекты, ни отчеты региональных министерств экономики и т.д., как правило, не включают моментов, связанных с «затратами» и «выгодами» культурной и духовной сфер. Экономика и управление экономикой в России, ее регионах, до сих пор не могут расширить свое видение производства, понимание капитала, понятиями, отражающими вклады культуры и нравственности, роль человеческого и социального капитала, все еще выстраивают модели правления экономикой, отталкиваясь от физических и финансовых капиталов, все еще используют модель нехватки – мальтузианские «ножницы» и поддерживают страх неэффективности как следствия «чрезмерного внимания» к чему-то иному, чем сам бизнес («ничего кроме бизнеса»). На Западе во многих странах этот этап уже пройден: гонка за показателями финансового и материального капитала приостановлена, но в России она все еще продолжается. В резуль-

тате человеческий и социальный капитал обесценены и люди ищут себя не в реальной, а виртуальной жизни, привязываясь всей своей жизнью к цифровым устройствам как единственному способу пусть и усечённой, «селфизированной, но самореализации. Люди не ощущают своей значимости и достоинства, впадая в зависимость от компьютеров и выполняемых ими желаний.

Профилактика и коррекция компьютерной зависимости, как и иных типов зависимостей, - должны занимать важное место в общественных отношениях: начиная от школы и семьи и заканчивая работой и СМИ. Это должна быть профилактика и коррекция, направленная на разделение желаний и нужд человека: компьютер и Интернет – средства учений и работы, но не основное место и способ жизни и построения отношений с собой и миром. Для этого людей нужно учить тем способам и нормам, которые с подачи «глобализирующегося мира» были отвергнуты и которые все еще не вернулись в повседневность [45; 46; 47; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 59].

Любой чат, игровой сайт и т.д. содержит возможности кибер-буллинга: особенно высоки они там, где включены потребности «досугового» типа, а также такие желания как разного рода наркомании, сексуальные извращения и «знакомства», суициды и насилие, развлекательные программы и ресурсы (кино, игры и т.д.), религиозные идеологии и движения и т.д., - там, где активность человеческих желаний максимальна. Таким образом, чем больше «хочет» человек, тем больше он «получит»: неумение контролировать свои желания и соотносить их с нуждами, - первый и основной признак того, что человек столкнется с повышенным риском кибер-буллинга и иных кибер-преступлений, что он может быть втянут в различные преступные аферы и «акции» как жертва или преследователь. Эти люди не умеют контролировать свои желания, становятся их рабами, и, идя по дороге желаний, попадают в западню. Оттуда они способны «вернуться» в реальность повседневную, нанеся уже не только психологический, но и материально-физический урон человеку или организации. Таким образом, проблема цифровой безопасности – одна из актуальнейших проблем современного общества, решение которой требует, в первую очередь, восстановления восстановления культуры как системы нравственных норм, разрешений и запретов.

Кибер-буллинг – часть кибер-терроризма. Кибер-терроризм является угрозой для людей, групп, организаций и стран, чья деятельность тесно связана с информационными сетями и «высокими технологиями». Ученые полагают его причинами чрезмерность желаний человека: в том числе преобладание досуговых ориентаций над социально-полезными, ориентация на желания, а не на нужды, включая гиподинамию и лень, отчуждение и эгоцентризм и т.д., комфорт и пресыщенность. Этот процесс также связан с общим кризисом воспитания и образования в семье и школе, их «заменой» квазивоспитанием и квазиобразованием СМИ, стабильно избегающими любого сколь-нибудь серьезного обсуждения важнейших вопросов и заменяющих их пропагандой псевдокультуры; наблюдается и общая криминализация среды жизни людей, привыкание населения к росту репрессий и активизации вмешательства в жизнь человека, в том числе с помощью цифровых технологий, других людей, общества и государства, легитимизация беззакония и противоречий в законах, декларируемых и выполняемых нормах. Человек встречается с тотальной фрустрацией стремления развития на уровне ре-

ализации жизненных планов, что еще более деформирует системы жизненных приоритетов и разрушает культуру, заполняя опустошенные ниши попытками создания «лоскутной религиозности». Все это вызывает многочисленные формы кибер-терроризма как деятельности, направленной на нанесение ущерба жизненно важным объектам информационной инфраструктуры, включающей совокупность незаконных, нарушающих права людей и организаций действий, связанных с (угрозами) расправ / покушений на жизнь и здоровье, благосостояние людей и организаций, искажением объективной информации и рядом других действий, способствующих нагнетанию напряженности и дезориентации членов сообщества с целью получения преимуществ при решении политических, экономических или социальных задач. В деятельности организаций и профессиональной деятельности специалистов, также, как и в учебной деятельности детей цифровые технологии – важное подспорье на пути повышения личностной и профессиональной компетентности, продуктивности и эффективности труда, учебы. Интересны цифровые технологии и в контексте организации и проведения досуга и отдыха. Однако, как только технологии становятся «квазисубъектами», как только человек фокусируется на собственных желаниях, разрушая ради них связи с другими людьми и самим собой, «забывая» о реальности, цифровые технологии становятся разрушительными. Поскольку их присутствие в жизни современных людей пока еще недостаточно долго, постольку люди не выработали культуры отношений к ним и, таким образом, культуры отношений к себе, достаточной для того, чтобы делать кибер-технологии безопасными. В настоящее время сбываются пророчества футурологов XX века о том, что техническая революция и эволюция, забежав впереди революции и эволюции духовной, и, тем более, экономической и правовой, начала разрушать человека и общество. Особенно это проявляется в сферах правовых и экономических нарушений и жизни в целом: экономика отказывается признать человека и общество ведущей ценностью, а право видит в них угрозу государству, и, таким образом, старательно уничтожают. Если говорить о потреблении и использовании человека в этих сферах, то такой разговор окажется недостаточным: происходит именно уничтожение человека, тотальная нивелировка его значимости. Неудивителен на этом фоне этнический, религиозный и иные виды «ренессанса: общество и человек ищут выход из сложившейся ситуации, способ противостояния «жерновам» экономики и обслуживающего ее права. Поскольку то, что было создано для облегчения и помощи человек, существенно затрудняет и усложняет его жизнь, постольку человек вынужден повернуться лицом к лицу к собственным проблемам, психологической и социальной незрелости, десакрализации и отказу от развития ради комфорта и благополучия, сиюминутных удовольствий. Компьютеры, интернет как «альтер-эго» человека показывают ему все зоны его несовершенства, все точки роста, которые он может и нуждается реализовать: культура эмпатии как сопереживания и этически наполненного отношения к себе и другим как к людям; уважение к себе и другим людям, принятие и толерантность различий, непонимания; децентрированность и открытость новом опыту, готовность к игре и осмысленность процессов социального взаимодействия; ресакрализация и социальное служение, развитие как взаимопомощь и помощь другим, понимание предназначения и стремление его выполнить; выработка интегрированной идентичности и целостной жизненной позиции в противовес «лоскутному сознанию», фальшивой идентичности и «лоскутной», десакрали-

рующей мир, магической религиозности, стремление не только «брать» но и давать, не только «иметь» но и «быть»; любовь к свободе и неопределенности, готовность и способность решать жизненные задачи самостоятельно, задавать собственные вопросы и искать собственные ответы; умение отличить подделку и ложь от настоящего, искренности, стремление повышать собственный культурный и, в том числе, духовный уровень; организация профессионального и учебного взаимодействия как сотрудничества, ведущая роль социального и человеческого капитала в противовес традиционной системе представлений о «самодостаточных» основаниях бизнеса, государственно власти, общественных интересов и мнений и т.д.

Причины киберэкстремизма - преобладание потребительски-досуговых ориентаций над социально-полезными; кризис воспитания и образования в семье и школе, их замену воспитанием и образованием СМИ; криминализация среды жизни людей и проблемы реализации жизненных планов, деформация системы ценностей [4; 11; 14; 25; 33; 34, с. 24; 49; 69]. Более локальное - понятие «кибербуллинг» - новый способ насилия в эпоху цифровых технологий [31; 33; 49; 54; 58]: попытки решить за счет Интернет проблемы межличностных отношений, вне целенаправленной тренировки личностных и межличностных качеств, приводят к повторению событий реальной жизни и, более того, их гротескному, усиленному воспроизведению в мире виртуальной реальности.

Таким образом, проблема цифровой или кибербезопасности – одна из актуальнейших проблем современного общества, решение которой требует, в первую очередь, восстановления качественного образования и воспитания человека в семье, школе, на работе, восстановления культуры как таковой. Начало и конец любой киберугрозы - реальный человек с уникальными мотивами и ценностями, преследователь и жертва. И хотя до сих пор многие специалисты по безопасности обращают внимание на чисто технологическое реагирование на нападения и иные нарушения, вместо выбора анализа и понимания психологических аспектов, людей и сообществ, которые вызвали или организовали нарушение /нападение. Однако, современный мир – поле сражения нравственных и правовых механизмов, поле, в котором ведущими проблемами являются социальная аномия и идеология консюмеризма, коррупция и систематические правонарушения (административного и уголовного уровней). При этом весьма часто правовое и нравственное пространство вступают в конфликт, противоречат друг другу. Правовое пространство - один из компонентов социального пространства, в котором с помощью норм права устанавливается и поддерживается стабильность в обществе, правопорядок и законность, в том числе, в сфере экономики. Нравственное или моральное пространство – еще один компонент социального пространства, в котором с помощью норм морали устанавливается и поддерживается стабильность в обществе, ценности жизни и гармония. В условиях становления и развития правового государства ведущее значение имеет укрепление законности и правопорядка, предполагающее безусловное подчинение его субъектов правовому закону: верховенство правового закона во всех сферах жизни общества. Правовое пространство, опираясь на критерии нравственные, такие как свобода, равенство, справедливость, объективно направлено на устойчивость и стабильность социальных отношений. Однако, в реальности правовое пространство многих цивилизованных стран опи-

рается на полностью оторванный от этих критериев «закон». Перечисленные выше и иные гуманистические ориентиры правового пространства предполагают, что человек, общество и государство развивают в себе способность и потребность к уважению права как необходимого регулятора общественной жизни, к уважению своих и чужих прав и свобод. Однако, помимо прав, человек и общество, а также государство нуждаются в уважении обязанностей друг другу и своих. И здесь мы видим, что правоохранительные и правозащитные организации сейчас откровенно злоупотребляют поверхностными «правами» и «свободами», их вольным истолкованием, игнорируя нравственные, глубоко человеческие основы взаимоотношений. Они подают пример обычным гражданам, включая все большие их группы и слои в преступные действия, начиная с откровенной коррупции и заканчивая повседневной пропагандой насилия и аномии. Составляющие правового пространства, как и любой иной сложной структуры, обладают высокой «мобилизуемостью»: элементы системы правового пространства отличаются высокой подвижностью, изменчивостью. Именно изменчивость права приводит к его многообразию и многовариантности, трансформации его роли и места в различных обществах и, соответственно, к различным подходам к пониманию права, его связей с моралью, нравственностью. Современная правовая практика – и на уровне профессионалов – по сей день не изжила своих недостатков и ограничений и, как следствие, остается весьма далекой от идеала, активно сопротивляется изменениям, поскольку именно изменения способны подточить фундамент ее всемогущества: власть вершить чужие судьбы, толкуя законы так, как удобно конкретным лицам, ловко манипулирующими различиями правовых и нравственных пространств. Именно это обстоятельство дает исследователям основания констатировать, что для России характерны типично феодально-рабовладельческие явления, такие как отсутствие в стране единого правового пространства, общего правопорядка и единой законности, бездействие общих правовых принципов и норм, конкуренция источников права, девальвация и извращение роли закона, разноречивость и противоречие между различными нормативными актами, раздробленность, мозаичность и хаотичность правовой регуляции и полное отсутствие нравственной основы права. Поэтому современная борьба за право нередко включает лишь борьбу за отстаивание субъективного права индивида, нарушенное другим лицом, однако, на пороге нового под воздействием трансформаций пространства нравственного и правовое пространство стало полем массовых сражений, в том числе – общества и государства. В современном мире приходит концепция права, основанная на специфических моральных требованиях к праву. К числу этих требований относятся такие, как непротиворечивость, общий характер норм, ясные и понятные нормы, напрямую опирающиеся на нравственный закон, общеизвестность, отсутствие норм, имеющих обратную силу, отсутствие неисполнимых требований, стабильность, соответствие административных и судебных действий законам [48]. Эти требования отвечают природе права и позволяют выстроить пространство права, не конфликтующее с пространством нравственности. Только при этом условии, на наш взгляд, возможна продуктивная борьба с правовыми нарушениями в кибер-средах, Интернет: пока государство не применит к решению проблем нравственные критерии и не делает их ведущими, предполагать, что проблема кибер-зависимости и кибер-преступности, как и иные сложные проблемы, будет решена, – означает сознательно и бессознательно способствовать их росту.

Литература

1. Агдавлетова А.М. Меры профилактики киберэкстремизма среди молодежи // Информационные системы и технологии в образовании, науке и бизнесе (ИСИТ-2014). Мат-лы Всероссийской молодежной науч.-практ. школы. – Кемерово: КГУ, 2014. – С. 13-14.
2. Акопов А. Ю. Свобода от зависимости. - СПб.: Речь, 2008. – 224 с.
3. Антюхов В.И., Жуков Ю.И., Кадулин В.Е., Примакин А.И. Информационный терроризм: прошлое, настоящее и будущее // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 57-64.
4. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестн. Моск. Ун-та. Психология. – 1996. – № 4. – С. 14-20.
5. Бабаш А.В., Баранова Е.К., Мельников Ю.Н. Информационная безопасность. Лабораторный практикум. М.: КноРус, 2013. – 136 с.
6. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. – С. 282.
7. Бодрийяр Ж. Усталость // Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. – С. 230-234.
8. Велижанцева А.А. Формирование негативных зависимостей в ИКТ-среде у детей и подростков // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: мат-лы внутрив. конф. 9-12 октября 2015 г. / Под ред. Г.Н. Чусавитиной, Е.В. Черновой, О.Л. Колобовой. – Магнитогорск: Магнитогорский Дом Печати, 2015. – С.115-126.
9. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения, методики расследования. – М.: Право и закон, 1998. – С. 29-37.
10. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского Университета. – 2012. – №1. – С. 48-51.
11. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / Под. ред. А.Е. Войскунского. – М., Екатеринбург: Академический проект, Деловая книга, 2000. – С. 100-131.
12. Гаврилов Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. – М.: ЮИ МВД РФ, 2003. – 66 с.
13. Гаврилова И.В. Профилактика киберэкстремизма среди молодежи. Сборник статей. / Под ред. Чусавитина Г.Н., Давлеткириева Л.З., Чернова Е.В. - М.: Академия, 2013. – С. 511.
14. Гарев В. А. Информационная борьба с международным терроризмом: теоретические и практические аспекты: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2007. – 293 с.
15. Гафнер В.В. Информационная безопасность. – Ростов на Дону: Феникс, 2010. – 324 с.
16. Глассер У. Школы без неудачников. – М.: Прогресс, 1990. – 120с.
17. Громов Ю.Ю., Драчев В.О., Иванова О.Г. Информационная безопасность и защита информации. - Ст.Оскол: ТНТ, 2010. – 384 с.
18. Гульбин Ю. Преступления в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. – 1997. – № 10. – С. 24-25.
19. Ефимова И.Ю. Методика обучения родителей контролю за безопасным поведением подростков в сети интернет // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: сб. ст. / Под ред. Г.Н. Чусавитиной, Л.З. Давлеткириевой, Е.В. Черновой. - Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2013. – С. 28-46
20. Ефимова И.Ю., Веремеенко О.О. Методика формирования компетенций родителей в области обеспечения информационной безопасности подростков в сети интернет // Новые инф. технологии в образовании: мат-лы VII Междун. науч.-практ. конф. Екатеринбург: РГППУ, 2014. С. 515-519.
21. Зеркина Е.В., Чусавитина Г.Н. Подготовка будущих учителей к превенции девиантного поведения школьников в сфере информационнокоммуникативных технологий. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – 184 с.
22. Игнатовский А.Д., Радков А.А. Кибернетический терроризм как угроза безопасности // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – №12. – С. 66-71.

23. Информационная безопасность и вопросы профилактики кибер-экстремизма среди молодежи (сборник статей) / Под ред. Г.Н. Чусавитиной, Е.В. Черновой. - Магнитогорск: Дом Печати, 2014. - 203 с.
24. Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: мат-лы внутривузовской конф. 9-12 октября 2015 г. / Под ред. Г.Н. Чусавитиной, Е.В. Черновой, О.Л. Колобовой. - Магнитогорск: Дом Печати, 2015. - 480 с.
25. Макашова В.Н., Чусавитина Г.Н. Модернизация ИТ-инфраструктуры образовательных учреждений в целях обеспечения информационной безопасности // Современные информационные технологии и ИТ-образование. - 2014. - № 10. - С. 632-638.
26. Малыгин В.Л. Особенности личности подростков, склонных к Интернет-зависимому поведению // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. - 2011. - Т. 111. - № 4. Вып. 1. - С.108
27. Мовчан И.Н., Чернова Е.В., Чусавитина Г.Н. Учебный проект как одна из форм противодействия киберэкстремизму среди школьников // Фундаментальные исследования. - 2015. - № 9. - С. 318-323.
28. Недосекина А.Г., Чусавитина Г.Н. Формирование эстетического идеала как средство профилактики киберэкстремизма // Фундаментальные исследования. - 2014. - № 12-5. - С. 1083-1088
29. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. - М: Синтег. 2009. - 180 с.
30. Расторгуев С.П. Информационная война. - М: Радио и связь. 2009. - 416с.
31. Солдатова Г. Кибербуллинг в школьной среде // Образовательная политика. - 2011. - №5. - С. 48-59.
32. Тихомиров О. К. Психология компьютеризации. - Киев: Знание, 2010. - 200 с.
33. Тропина Т.Л. Киберпреступность и кибертерроризм // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. - 2003. - № 2. - С. 140-144.
34. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юрид. мир. - 2008. - №6. - С. 24.
35. Чернова Е.В. Социальные сети и киберэкстремизм // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: сб. ст. / Под ред. Л.З.Давлеткиреевой, Г.Н. Чусавитиной, Е.В. Черновой. - Магнитогорск: МГУ, 2013. - 162с. - С. 132-136.
36. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. - М.: Красанд, 2012. - 214с.
37. Шпитцер М. Антимозг. М.: АСТ, 2014.
38. Alexander Y., Swetman M.S. Cyber Terrorism and Information Warfare: Threats and Responses. N.-Y.: Transnational, 2001. - 254 p.
39. Beand K. Internet addiction // Employment Counsel. - 2002. - V.39(1). - P.2-11.
40. Boellstorff T. Coming of Age in Second Life. Princeton: Princeton Univ., 2008. 363 p.
41. Browne B. Confirmatory Factor Analysis of internet use and addiction // CyberPsychol. Behavior. - 2002. - Vol. 5, N 1. - P. 53-58.
42. Campen A. The first information war. N.Y.: AFCEA Int., 1992. - 195p.
43. Charlton J. A factor-analytic investigation of computer addiction and engagement // Brit. J. Psychology. - 2002. - №93. - P. 329-344.
44. Coule D., Doherty G., Sharry J.: An evaluation of a solution focused computer game in adolescent interventions // Clinical child psychology and psychiatry. - 2009. - P. 345-360.
45. Davis R., Rett G., Bessre A. Validation of a new scale for measuring problematic Internet use // CyberPsychol. Behavior. - 2002. - Vol. 5, № 4. - P. 331-345.
46. Denning D. E. Activism, Hacktivism, and Cyberterrorism // The Computer Security Journal, 2000. - Vol. XVI, No. 3, Summer. - P. 15-35.
47. Espinoza Ch. Yellow Springs. OH: Antioch University, 2012. - 151p.
48. Friedman L. M. Erewhon: the coming global legal order // Stanford j. of international law. - 2001. - Vol. 37, - № 2. - P. 347-364.
49. Giles G., Price I.R. Adolescent computer use // Australian journal of psychology. 2008. P. 63-71.
50. Greenfield S. Mind Change. N.-Y., L.: Random House, 2014.
51. Hall A., Parsons J. Internet Addiction // Journal of Mental Health Counseling. - 2001. - Vol.23, №4. - P. 312-327.
52. Haraway D. Situated Knowledges // Simians, Cyborgs and Women / Ed. by D.J. Haraway. - N.-Y., L.: Routledge, 1991. - 312p. - P. 183-201.
53. Hayles N.K. My Mother was a computer. - Chicago: Chicago University Press, 2005. - 288p.

54. Hussein Z., Griffiths M.D., Baguley T. Online gaming addiction // *Addiction research and theory*. 2012. – P. 359-371.
55. Johnson, A. *Gulf war syndrome*. - N.Y.: Information Exchange, 2001. – 256p.
56. Lee M.C. Understanding the behavioural intention to play online games an extension of the theory of planned behavior // *Online information review*. 2009. – P. 849-872.
57. McCrindle M. *The ABC of XYZ*. Sydney: UNSW Press, 2009. - P. 202–204.
58. Okinawa Charter on Global Information Society. Okinawa, Japan, July 22, 2000 // G8 Okinawa Summit: Documents. Okinawa, Japan, July 21-23, 2000. Режим доступа: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html> (дата обращения 10.08.2016)
59. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants* // *On the Horizon*. MCB University Press. – 2001. – October, № 9 (5). – P. 1–6.
60. *Reload: rethinking women + cyberculture* /Eds.by M.Flanagan and A. Booth. - N.-Y.; The MIT Press 2002. - 595 p.
61. Reynolds G. *Ethics in information technology*. – Boston: Thomson Course Technology, 2003. – 320p.
62. Shotton M.A. *Computer Addiction? A Study of Computer Dependency*. L.: Taylor and Francis, 1989. – 342p.
63. Simon R. I., Gold L.H. *The American Psychiatric Publishing Textbook of Forensic Psychiatry*. N.-Y.: APP, Inc., 2010. – 726p.
64. Spinello R.A. An ethical evaluation of web site linking // *ACM SIGCAS Computers and Society*. - 2000. - V. 30. - Issue 4 (December). – P.110-124.
65. Spitzer M. *Digitale Demenz*. - München: Droemer, 2012.
66. Tapscott D. *Grown Up Digital*. – McGraw-Hill, 2008. – P. 15–16.
67. Turkle Sh. *Constructions and reconstructions of self in virtual reality* // *Culture of the Internet* / Ed. S. Kiesler. Mahwah: Lawrence Erlb., 1997. P. 143–155.
68. White R., Horvitz E. *Cyberchondria* // *ACM Transactions on Information Systems*. – 2009. – Vol. 27 (4). – P.1-34.
69. Young K.S. *Caught in the Net*. N.Y.: John Wiley&Sons, 1998. – 256p.

References

1. Agdavletova A.M. Mery profilaktiki kiberjeksremizma sredi molodezhi // *Informacionnye sistemy i tehnologii v obrazovanii, nauke i biznese (ISiT-2014)*. Mat-ly Vserossijskoj molodezhnoj nauch.-prakt. shkoly. Kemerovo: KGU, 2014. P. 13-14.
2. Akopov A. Ju. *Svoboda ot zavisimosti*. - SPb.: Rech', 2008. – 224 p.
3. Antjuhov V.I., Zhukov Ju.I., Kadulin V.E., Primakin A.I. *Informacionnyj terrorizm: proshloe, nastojashhee i budushhee* // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. - P.-Pb.: Izd-vo P.-Peterburg. un-ta MVD Rossii, 2000. № 1. - P. 57-64.
4. Arestova O.N., Babanin L.N., Vojskunsij A.E. *Kommunikacija v komp'juternyh setjah: psihologicheskie determinanty i posledstvija* // *Vestn. Mosk. Un-ta. Psihologija*. 1996. № 4. P. 14-20.
5. Babash A.V., Baranova E.K., Mel'nikov Ju.N. *Informacionnaja bezopasnost'. Laboratornyj praktikum*. M.: KnoRus, 2013. - 136 p.
6. Bodrijjar Zh. *Soblazn. M.: Ad Marginem*, 2000. - P. 282.
7. Bodrijjar Zh. *Uсталost' // Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury*. M.: Kul'turnaja revoljucija; Respublika, 2006. - P. 230-234.
8. Velizhanceva A.A. *Formirovanie negativnyh zavisimostej v IKT-srede u detej i podrostkov* // *Informacionnaja bezopasnost' i voprosy profilaktiki kiberjeksremizma sredi molodezhi: mat-ly vnutriv. konf.*. 9-12 oktjabrja 2015 g. / Pod red. G.N. Chusavitinoj, E.V. Chernovoj, O.L. Kolobovoj. – Magnitogorsk: Magnitogorskij Dom Pechati, 2015. P.115-126.
9. Vehov V.B. *Komp'juternye prestuplenija: sposoby sovershenija, metodiki rassledovanija*. M.: Pravo i zakon, 1998. P. 29-37.
10. Vnebrachnyh R.A. *Trolling kak forma social'noj agressii v virtual'nyh soobshhestvah* // *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*. 2012. P. 48-51.

11. Vojskunjij A.E. Fenomen zavisimosti ot Interneta // Gumanitarnye issledovanija v Internetе / Pod. red. A.E. Vojskunjij. M., Ekaterinburg: Akademicheskij proekt, Delovaja kniga, 2000. –P. 100-131.
12. Gavrilov Ju.V., Smirnov L.V. Sovremennij terrorism: sushhnost', tipologija, problemy protivodejstvija. M.: JuI MVD RF, 2003. 66 p.
13. Gavrilova I.V. Profilaktika kiberjeksremizma sredi molodezhi. Sbornik statej. / Pod red. Chusavitina G.N., Davletkirieva L.Z., Chernova E.V. - M.: Akademiya, 2013. - P. 511.
14. Garev V. A. Informacionnaja bor'ba s mezhdunarodnym terrorismom: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Disp. ... kand. polit. nauk. M., 2007. 293 p.
15. Gafner V.V. Informacionnaja bezopasnost'. – Rostov na Donu: Feniks, 2010. - 324 c.
16. Glasser U. Shkoly bez neudachnikov. – M.: Progress, 1990. – 120p.
17. Gromov Ju.Ju., Drachev V.O., Ivanova O.G. Informacionnaja bezopasnost' i zashhita informacii. - St.Oskol: TNT, 2010. - 384 c.
18. Gul'bin Ju. Prestuplenija v sfere komp'juternoj informacii // Rossijskaja justiciya. 1997. № 10. P. 24-25.
19. Efimova I.Ju. Metodika obuchenija roditel'ej kontrolju za bezopasnym povedeniem podrostkov v seti internet // Informacionnaja bezopasnost' i voprosy profilaktiki kiberjeksremizma sredi molodezhi: sb. st. / Pod red. G.N. Chusavitinnoj, L.Z. Davletkirievoj, E.V. Chernovoj. - Magnitogorsk: MGTU im. G.I. Nosova, 2013. - P. 28-46
20. Efimova I.Ju., Veremeenko O.O. Metodika formirovanija kompetencij roditel'ej v oblasti obespechenija informacionnoj bezopasnosti podrostkov v seti internet // Novye inf. tehnologii v obrazovanii: mat-ly VII Mezhdun. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg: RGPPU, 2014. P. 515-519.
21. Zerkina E.V., Chusavitina G.N. Podgotovka budushhij uchitelej k prevencii deviantnogo povedenija shkol'nikov v sfere informacionnokommunikativnyh tehnologij. - Magnitogorsk: MaGU, 2008. - 184 p.
22. Ignatovskij A.D., Radkov A.A. Kiberneticheskij terrorism kak ugroza bezopasnosti // Kul'tura. Duhovnost'. Obshhestvo.2014. №12. P. 66-71.
23. Informacionnaja bezopasnost' i voprosy profilaktiki kiber-jeksremizma sredi molodezhi (sbornik statej) / Pod red. G.N. Chusavitinnoj, E.V. Chernovoj. - Magnitogorsk: Dom Pechati, 2014. - 203 p.
24. Informacionnaja bezopasnost' i voprosy profilaktiki kiberjeksremizma sredi molodezhi: mat-ly vnutrivuzovskoj konf. 9-12 oktjabrja 2015 g. / Pod red. G.N. Chusavitinnoj, E.V. Chernovoj, O.L. Kolobovoj. – Magnitogorsk: Dom Pechati, 2015. 480 p.
25. Makashova V.N., Chusavitina G.N. Modernizacija IT-infrastruktury obrazovatel'nyh uchrezhdenij v celjah obespechenija informacionnoj bezopasnosti // Sovremennye informacionnye tehnologii i IT-obrazovanie. 2014. № 10. P. 632-638.
26. Malygin B.L. Osobennosti lichnosti podrostkov, sklonnyh k Internet-zavisimomu povedeniju // Zhurnal nevrologii i psichiatrii imeni P.P. Korsakova. 2011. T. 111. № 4. Vyp. 1. 108p.
27. Movchan I.N., Chernova E.V., Chusavitina G.N. Uchebnyj proekt kak odna iz form protivodejstvija kiberjeksremizmu sredi shkol'nikov // Fundamental'nye issledovanija. 2015. № 9. P. 318-323.
28. Nedosekina A.G., Chusavitina G.N. Formirovanie jesteticheskogo ideala kak sredstvo profilaktiki kiberjeksremizma // Fundamental'nye issledovanija. 2014. № 12-5. P. 1083-1088
29. Pochepcov G.G. Informacionno-psihologicheskaja vojna. M: Sinteg. 2009. 180 p.
30. Rastorguev P.P. Informacionnaja vojna. M: Radio i svjaz'. 2009. 416p.
31. Soldatova G. Kiberbulling v shkol'noj srede // Obrazovatel'naja politika. 2011. P. 48-59.
32. Tihomirov O. K. Psihologija komp'juterizacii. Kiev: Znanie, 2010. 200 p.
33. Tropina T.L. Kiberprestupnost' i kiberterrorizm // Organizovannaja prestupnost', terrorism i korupcija. Kriminologicheskij ezhekvartal'nyj al'manah. 2003. № 2. P. 140-144.
34. Fridinskij P.N. Molodezhnyj jeksremizm kak osobo opasnaja forma projavlenija jeksremistskoj dejatel'nosti // Jurid. mir.2008. №6. P. 24.
35. Chernova E.V. Social'nye seti i kiberjeksremizm // Informacionnaja bezopasnost' i voprosy profilaktiki kiberjeksremizma sredi molodezhi: sb. st. / Pod red. L.Z.Davletkireevoj, G.N. Chusavitinnoj, E.V. Chernovoj. Magnitogorsk: MGU, 2013. 162p. P. 132-136.
36. Shapinskaja E.N. Obraz Drugogo v tekstah kul'tury. - M.: Krasand, 2012. - 214p.
37. Shpitcer M. Antimozg. M.: AST, 2014.
38. Alexander Y., Swetman M.S. Cyber Terrorism and Information Warfare: Threats and Responses. N.-Y.: Transnational, 2001. 254 p.
39. Beand K. Internet addiction // Employment Counsel. 2002. V.39(1). P.2-11.

40. Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life*. Princeton: Princeton Univ., 2008. 363p.
41. Browne B. Confirmatory Factor Analysis of internet use and addiction // *CyberPsychol. Behavior*. 2002. Vol. 5, N 1. P. 53-58.
42. Campen A. *The first information war*. N.Y.: AFCEA Int., 1992. 195p.
43. Charlton J. A factor-analytic investigation of computer addiction and engagement // *Brit. J. Psychology*. 2002. №93. P. 329-344.
44. Coule D., Doherty G., Sharry J.: An evaluation of a solution focused computer game in adolescent interventions // *Clinical child psychology and psychiatry*. 2009. P. 345-360.
45. Davis R., Rett G., Bessre A. Validation of a new scale for measuring problematic Internet use // *CyberPsychol. Behavior*. 2002. Vol. 5, № 4. P. 331-345.
46. Denning D. E. Activism, Hacktivism, and Cyberterrorism // *The Computer Security Journal*, 2000. - Vol. XVI, No. 3, Summer, p. 15-35.
47. Espinoza Ch. *Yellow Springs*. OH: Antioch University, 2012. – 151p.
48. Friedman L. M. *Erewhon: the coming global legal order* // *Stanford j. of international law*. 2001. Vol. 37, № 2. P. 347-364.
49. Giles G., Price I.R. Adolescent computer use // *Australian journal of psychology*. 2008. P. 63-71.
50. Greenfield S. *Mind Change*. N.-Y., L.: Random House, 2014.
51. Hall A., Parsons J. Internet Addiction // *Journal of Mental Health Counseling*. 2001. Vol.23, №4. P. 312-327.
52. Haraway D. *Situated Knowledges // Simians, Cyborgs and Women* / Ed. by D.J. Haraway. – N.-Y., L.: Routledge, 1991. – 312p. - P. 183–201.
53. Hayles N.K. *My Mother was a computer*. - Chicago: Chicago University Press, 2005. – 288p.
54. Hussein Z., Griffiths M.D., Baguley T. Online gaming addiction // *Addiction research and theory*. 2012. P. 359-371.
55. Johnson, A. *Gulf war syndrome*. - N.Y.: Information Exchange, 2001. 256p.
56. Lee M.C. Understanding the behavioural intention to play online games an extension of the theory of planned behavior // *Online information review*. 2009. P. 849-872.
57. McCrindle M. *The ABC of XYZ*. Sydney: UNSW Press, 2009. - P. 202–204.
58. Okinawa Charter on Global Information Society. Okinawa, Japan, July 22, 2000 // G8 Okinawa Summit: Documents. Okinawa, Japan, July 21-23, 2000. Режим доступа: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html> (дата обращения 10.08.2016)
59. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // *On the Horizon*. MCB University Press. - 2001 October, № 9 (5). P. 1–6.
60. *Reload: rethinking women + cyberculture* /Eds.by M.Flanagan and A. Booth. - N.-Y.; The MIT Press 2002. - 595 p.
61. Reynolds G. *Ethics in information technology*. – Boston: Thomson Course Technology, 2003. – 320P.
62. Shotton M.A. *Computer Addiction? A Study of Computer Dependency*. L.: Taylor and Francis, 1989. 342p.
63. Simon R. I., Gold L.H. *The American Psychiatric Publishing Textbook of Forensic Psychiatry*. N.-Y.: APP, Inc., 2010. 726p.
64. Spinello R.A. An ethical evaluation of web site linking // *ACM SIGCAS Computers and Society*. - 2000. - V. 30. - Issue 4 (December). P.110-124.
65. Spitzer M. *Digitale Demenz*:. - München: Droemer, 2012.
66. Tapscott D. *Grown Up Digital*. – McGraw-Hill, 2008. – P. 15–16.
67. Turkle Sh. *Constructions and reconstructions of self in virtual reality* // *Culture of the Internet* / Ed. S. Kiesler. Mahwah: Lawrence Erlb., 1997. P. 143–155.
68. White R., Horvitz E. Cyberchondria // *ACM Transactions on Information Systems*.2009. Vol. 27 (4). P.1-34.
69. Young K.S. *Caught in the Net*. N.Y.: John Wiley&Sons, 1998. 256p.